

УДК 821.161.1Сны апрельские 7 Соловьев

Кошкина С.Н.

Московский государственный областной университет

МОТИВ СНОВИДЕНИЯ В ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ С.М. СОЛОВЬЁВА «СНЫ АПРЕЛЬСКИЕ»

Аннотация: Статья посвящена прояснению принципов внутренней целостности лирического цикла стихотворений из книги поэта-младосимволиста С.М. Соловьёва «Апрель» (1910). Подробно анализируется образная система стихотворений, соотносятся поэтические картины сновидений и реальности, что характерно для искусства Серебряного века. Литературный фон представлен творчеством И. Анненского, А.Блока, А. Белого, и др. Внутренний мир лирического героя интерпретируется с помощью наблюдений над пространственными символами и деталями, особенностями авторских экскурсов из настоящего в дни его юности, пору любви и чистых наслаждений красотой весенней природы. *Ключевые слова:* сновидение, природа, художественное время, пространство, лирический герой, символ, любовь, музыка, впечатление, красота, автобиографические черты.

S. Koshkina

Moscow State Regional University

THE MOTIF OF THE DREAM IN A CYCLE OF S. SOLOVYOV'S POEMS «DREAMS OF APRIL»

Abstract. The article is devoted to clarifying the principles of the internal integrity of the lyrical cycle of poems from the book by poet of early symbolism S. Solovyov «April» (1910). The author of the article carries out detailed analysis of the image system of poems, compares poetic images of dreams and reality, which is typical for the art of the Silver Age. Literary background is presented by works of I. Annensky, A. Blok, A. Bely and others. The inner world of protagonist is interpreted by means of observations of the spatial symbols and details, peculiarities of the author's tours from present to the days of his youth, a time of love and pure pleasures of beauty of nature in spring.

Keywords: dream, nature, art time, space, protagonist, symbol, love, music, impression, beauty, autobiographical features.

Задача данной статьи – проследить, как символически обозначенная в заглавии цикла тема конкретизирована в отдельных стихотворениях и обеспечивает всему циклу, открывающему книгу лирики «Апрель» (1910), своеобразное единство.

В.А. Скрипкина, заново открывшая в начале XXI века многие грани творчества С.М. Соловьёва, писала, что «название сборника символично. Весна, пробуждение природных сил связываются невольно с возрождением человеческого Духа, гармонии бытия. Главная тема "Апреля" – любовь во всех её проявлениях, весна

жизни, юность» [8, с. 148]. По мнению исследовательницы, «в "Снах апрельских" это ещё не любовь <...>, а скорее ожидание любви. Состояние "предвесеннее" можно отнести и к переживаниям лирического героя. Как проснувшаяся после зимы природа, любящие накануне расцвета» [8, с. 151].

И. Анненский, имея в виду русскую лирику рубежа XIX и XX в., так охарактеризовал ведущую её особенность: «Границы между реальным и фантастическим для поэта не только утоньшились, но местами стали вовсе прозрачными. Истина и желания нередко сливаются для него свои цвета» [1, с. 265]. В одном из писем он нашёл для поэзии «образное определение» – «непередаваемый золотой сон нашей души, которая вошла в сочетание с красотой в природе» [1, с. 483]. Л.А.Смирнова применила эту метафору к творчеству поэтов: «непередаваемый золотой сон души» обусловил <...> воплощение идеальных представлений автора в мире раскованной фантазии» [9, с. 23]. Соединение «реального и фантастического» характерно для лирики поэтов разных литературных течений: А. Блока, Н.С. Гумилёва и даже И.А. Бунина. По мнению исследовательницы, он «творческий подъём соотносил с проникновением в непознанные, загадочные явления всебытия» [9, с. 24]: «Ищу я в этом мире сочетанья / Прекрасного и тайного, как сон» [5, с. 395].

«Предвесенним» настроением проникнуто уже первое стихотворение – «Ты взманила к вешним трелям». Возлюбленная пробуждает в душе героя светлые воспоминания, возвращает его в далёкие дни юности, когда он «хмельён апрелем, / <...> вверял лесным свирелям запевавшую любовь»

[11, с. 165]. Ему снова «вняты счастья отголоски», доступны мечтания: «Для моей мечты бездомной / Дверь былого отперта». Возлюбленная у лирического героя неотделима от весны и природы. «Взор зелёный, голос дрёмный, / Лепестковые уста» [11, с. 165]. В ней гармонично сочетаются реальные и фантастические черты. Она для него мечта, грёза, нимфа, «дитя в простой причёске», «узкокая царевна». Для создания её одухотворённого, изменчивого образа С.М. Соловьёв использует едва уловимые импрессионистические штрихи: «Золотится зыбкий волос, / И звенит свирельный голос, / Призывающий меня» [11, с. 165]. Эпитет «зыбкий» в переносном значении подчёркивает непостоянство и эфемерность. Возлюбленная ускользает от лирического героя, маня его за собой.

В стихотворении появляется образ свирели. Он встречается и в последнем цикле книги «Цветы и ладан» – «Веснянки», также отражающем «тему весны, обновления жизни, воскресения надежды на возможное счастье» [8, с. 105]. Можно предположить, что «Веснянки» являются своеобразным прологом ко второй книге С.М. Соловьёва «Апрель». Схожие темы и образы говорят о значительности их для поэта, неисчерпаемости.

Свирель – атрибут древнегреческого бога леса Пана, который играл на ней для своей любимой. В «Снах апрельских» ярко проявляется «соседство языческих и христианских начал» [8, с. 150]. С.М. Соловьёв «вместо деления на "язычество" и "христианство" предлагал "деление на мирозерцание религиозно-эстетическое и научно-философское", веря в "незыблемость религиозно-эстетического

начала», роднящего «между собой века и народные массы» [11, с. 9]. Музыка в стихотворениях цикла является «универсальным языком», который помогает передать невыразимое, найти слова для погружения читателя в чувства, настроения, мистические откровения лирического героя, «опьянённого» любовью и весной. В.М. Жирмунский в статье об Ахматовой писал, что «лирика поэтов-символистов рождается из духа музыки; она напевна, мелодична, её действительность заключается в музыкальной значительности. Слова убеждают не как понятия, <...> а создают настроение, соответствующее их музыкальной ценности» [7, с. 114].

В стихотворении «Я блуждал в лесу родимом» лирический герой С.М. Соловьёва, благодаря «нежной свирели сердца», способен созерцать красоту весенней природы, чувствовать запахи, слышать звенящую тишину леса: «Я блуждал в лесу родимом, / Где звенела тишина, / Где зелёным, сладким дымом / Разливалась по полянам / Грустно-синяя весна» [11, с. 166]. В.А. Скрипкина отмечает, что у поэта «звучки, запахи цвета <...> слиты в одну импрессионистическую картину: и зелёная дымка, окутывающая апрельский лес, и яркая синева неба, и тишина, в которой чудится звон капли; <...> и пряные запахи» [8, с. 149]. Весенние чувства переполняют душу лирического героя, его состояние можно назвать экстатическим. Границы между явью и фантазией стираются. Он вспоминает о возлюбленной. Неотделимая от природы, она похожа на сон, на видение. Герой, будто сам сомневается в реальности её существования, поэтому спрашивает: «Ты ль, дитя с глазами нимфы, / Мне являлась в те часы. / От-

ряхая гиацинфы. / Вея запахом медвяным / Золотой твоей косы?» [11, с. 166]

А. Белый писал: «Муза Блока <...> дана нам в стихиях природы <...> Она облекается в свет ("в луче божественного света улыбка виделась Жены"); облекается в солнце ("и Ясная, Ты солнцем потекла"); облекается в воздух ("в тихом воздухе тающее, знающее... Там что-то притаилось и смеётся"), течёт в грудь "огнём небесных вожелений"; она слита со стихиями...» [2, с. 434]. Подобная слитность с природными стихиями характерна и для музыки С.М. Соловьёва: «И глаза твои под солнцем / Млеют золотой улыбкой, / Зеленеют, как трава» [11, с. 174].

Единое, синкретическое отношение к женщине, природе, любви можно встретить и в последующей поэзии, например, у С.А. Есенина: «Не бродить, не мять в кустах багряных / Лебеды и не искать следа. / Со снопом волос твоих овсяных / Отоснилась ты мне навсегда...» [6, с. 78]

Образ возлюбленной во многих стихотворениях С.М. Соловьёва связан с золотым цветом: «золотится зыбкий волос»; «Вея запахом медвяным золотой твоей косы»; «Золотая! ты Любви / Выходишь ясная звезда!» [11, с. 172].

Золотой – символ солнца, божественности, духовного обновления. Грёзы у С.М. Соловьёва тоже «золотые»: «Верни же мне те золотые грёзы, / Ты вся – весна, ты вся – как запах розы...» [11, с. 175]. Общность цветовой символики ещё раз подчёркивает, что возлюбленная для героя – мечта, идеал, к которому он стремится, но не может прикоснуться, а лишь предчувствует встречу: «Солнце низилось к берёзе... / Шёл я, плача и любя, / В

этой отроческой грёзе, / Узкоокая царевна, / Я предчувствовал тебя!» [11, с. 166]. Подобное встречаем у А. Блока: «Предчувствую тебя. Годы проходят мимо – / Всё в облике одном предчувствую Тебя» [4, с. 45].

Границы между действительностью и фантазией прозрачны, почти стёрты также в стихотворении «Охотно б в келье молчаливой...». Уже в первом четверостишии поэт употребляет глагол в условном наклонении, создавая вымышленную, воображаемую реальность: «Охотно в келье молчаливой / Я б этой ночью не уснул» [11, с. 168]. Появляется образ монашеского жилья. Но лирическому герою не нужно кельи, он не ищет «молчаливого» уединения. Его душа наполнена весенними чувствами, он стремится на природу, туда, где «песни с грохотом разлива / Сливаются в согласный гул!» [11, 168]. Тайная, вечная жизнь природы противопоставлена в стихотворении «бесполезному волнению дум». Восхищённый красотой и величием мироздания, лирический герой восклицает: «Каким безумным, бесполезным / Является волнение дум, / Когда под небом полнозвездным / Всё обратилось в блеск и шум!» [11, с. 168].

В образах звёздного неба, ручья у С.М. Соловьёва воплощены идеи дяди-философа Вл. Соловьёва, высказанные им в статье «Красота в природе» (1889). Озарённое небо в представлении философа исполнено красоты, оно выступает в качестве образа «вселенского единства, как выражение... вечной победы светлого начала над хаотическим смятением...» [10, с. 46]. Для С.М. Соловьёва небо, освещённое светом звёзд, также заключает в себе красоту мироздания. Поэт чувствует

незримое присутствие Творца в мире, поэтому при описании весенней природы использует возвышенную, церковную лексику: «Что за торжественная нега / Спускается в тиши с небес! / Как радостно восстал из снега / Возжаждавший весенний лес!» [11, с. 168].

Душа лирического героя переполнена весенними чувствами, его состояние вновь близко к экзатическому. В последнем четверостишии сливаются водоедино образы неба, лазури («голубой полумрак»), весны, любви и музыки, унося героя из обыденности в мир мечты. Благодаря глаголу в условном наклонении формируется модальное пространство, вероятностный мир: «Бежать бы вдаль, туда, по луку, / Где в полумраке голубом / Ночной бекас зовёт подругу, / Прерывисто звеня крылом!» [11, с. 168]. Образы монаха и кельи противопоставлены в стихотворении картинам неба с летающими птицами.

В приведённом четверостишии повторяющиеся гласные звуки (а-о-у) передают ощущение огромного пространства, стремление героя к свободе, к небу, к нематериальному миру.

Состояние зачарованности, «забытья» выражено многими поэтами Серебряного века, например, И.А. Бунинным: «Весна, весна! И всё ей радо. / Как в забытии каком стоишь / И слышишь свежий запах сада / И тёплый запах талых крыш» [5, с. 341]. В бунинском «Костре» (1895 г.) герой «в полусне» лежит «у куста». Наблюдение его за природой, за жизнью лесных зверей, его чувства, мысли, переживания, рождённые одиночеством, красотой природы и теплом костра, будто стирают границы реальности и переносят героя в другой мир, ему открывается сказочная панорама: «Камни, зарос-

ли, рвы. Лучезарным теплом очарованный, / В полусне я лежу у куста... / Странно жёлтой листвой озарён этот дол заколдованный, / Эти лисьи глухие места! / Ветер стоны несёт... Не собаки ль вдали заливаются? / Не рога ли то скуют, вопят?» [5, с. 353].

Герой С.М. Соловьёва в стихотворении «Присев на ветхое крыльцо...» «сквозь сон внимает песне дальней». Он «одурманен весной», «легко и томно пьян» [11, с. 169] от обилия впечатлений. Стихотворение проникнуто чувством полноты бытия: герой видит краски, слышит вдохновляющие звуки, чувствует запахи. И «жёлтая травинка», и «пасхальный благовест», и «поблёскивание синих луж» – всё вызывает в его душе «умиление и чувство сопричастности самым разным проявлениям жизни» [8, с. 149]. Природа и люди отвечают ему взаимным расположением: «Брожу легко и томно пьян, / Мне улыбаются в лесочке / И лица ясные крестьян, / И тихих девушек платочки» [11, с. 169]. Образ платочка, как и образ свирели, является ключевым, скрепляющим цикл. Он заключает в себе автобиографические черты. «Идею «слияния с народом» Соловьёв решил воплотить в жизнь, женившись на крестьянке, «миловидной девчонке» Еленке, кухарке из Надовражного» [3, с. 80], – свидетельствовал А. Белый. Женский платок является для поэта символической приметой родного, самой России, как и для А. Блока: «А ты всё та же – лес, да поле, / Да плат узорный до бровей...» [11, с. 359].

Лирический герой С.М. Соловьёва – путник, упоённый очарованием весенней природы: «В лугах со скудною травой / Брожу, болтаю сам с собой, / Топча желтеющую хвою, / Це-

луя воздух голубой» [11, с. 173]. Герой И.А. Бунина тоже путник, «бродник», как «сам себя на казачий манер» называл поэт: «Я в эти дни люблю бродить, вдыхая / Осинников поблёкших аромат / И слушая дроздов пролётных крики» [5, с. 335]. У обоих поэтов герои не просто наслаждаются красотой природы, а ощущают себя частью природного мира. И.Ф. Анненский в «Книге отражений» писал: «предтечей нашего стиха и нашего “я” природа была объектом, любимым существом, может быть, иногда даже идолом»; тогда как – “наш стих” идет от бесповоротного стремления символически стать самой природой» [1, с. 303].

И.А. Бунин записал стихами молитвенное отношение к природному миру: «Ты раскрой мне, природа, объятия, / Чтоб я слился с красою твоей» [5, с. 319]; «И всё кругом светло, всё веет тишиною, / В природе и в душе – молчанье и покой» [5, с. 325]. С.М. Соловьёв передал это чувство более эмоционально, горячо и взволнованно: «Земля, земля! Союз наш вновь / Неизреченней, сокровенней... / О, дай мне пить твою любовь / В сиянии зари весенней!» [11, с. 169]. Для С.М. Соловьёва весна неотделима от любви. Это любовь не только к женщине, но и ко всему, что составляет привязанность его души, – к родине. В.А. Скрипкина заметила, что «природа и “родина святая” для поэта нераздельны. Его лирический герой – порождение матери-природы и одновременно её защитник, готовый, как новый Христос, отдать свою жизнь другим» [8, с. 150]: «Как мать меня благослови / На подвиг твой многострадальный / И сердце приобщи любви, / Любви и радости Пасхальной» [11, с. 169].

Стихотворение «Весь день я просидел прилежно» по-особому наполнено «Пасхальной радостью»: «Окрестности Пасхальным звоном / Наполнены...» [11, с. 170]. Душа лирического героя откликается на любое проявление природного мира: будь то «желтеющая нежно трава» под ногами или «безоблачная синева» небес. В последнем четверостишии появляется образ крестьянской девушки в платке. Она наделена реальными чертами, знакома герою, но ускользает от него так быстро, что оставляет ощущение грёзы, видения: «...леса бледные верхушки / Порозовели. Недалёк/ Конец трудов, и на опушке / Твой розовый мелькнул платок» [11, с. 170]. Временами любовь у поэта приобретает языческие очертания, «показана как сладострастное действие, как вакханалия, в которой человек – часть живой природы, ею порождённая и живущая по её законам» [8, с. 150]: «Какая нега в ветке каждой! / Как всё до малого стебля, / О, как одной любовной жаждой / Трепещут люди и земля. / Как дев, горящих, но несмелых, / Сжимают юноши сильней / На влажном мху, между дебелих / Дождём намоченных корней» [11, с. 173].

Но всё же эти картины свободного проявления чувств вытеснены одухотворённым и возвышенным образом прекрасной девы, к которой стремится герой. В стихотворении «Коснись рукой до струн, презренных светом» возлюбленная юна, невинна и «светла». Она преображает душу лирического героя. В её «лучах» он «расцветает», пред ней «притворствовать не в силах». Любимая для него исполнена весеннего цветения: «Ты вся – весна, ты вся – как запах розы» [11, 175].

Она возвращает ему воспоминания юности: «Верни мне дни, когда я был поэтом, / Дай верить мне, что я, как прежде, юн» [11, с. 175]. Взгляд лирического героя обращён в прошлое, в «осеннюю сияющую ночь», когда они с возлюбленной гуляли под звездами и были счастливы: «Ах! где она, кипящая звездами, / Осенняя, сияющая ночь? / С небес звезда срывалась за звездою. / Мы шли вдвоём... ты руку мне дала...» [11, с. 175]. Озарённое светом ночное небо у С.М. Соловьёва исполнено Божественного смысла. Тонко чувствующая душа героя откликается на красоту мироздания. Звёздный свет отражён в деревьях, будто связывает небо и землю: «А цветники дышали резедою, / И ночь была прозрачна и светла. / Сребрились под твердью голубою / Деревья блёклые, не шелестя» [11, с. 175]. Любовь героя возвышенна, искренна, он даже не говорит о ней с возлюбленной, чтобы не оскорбить, не запятнать её чистоты: «Я о любви не говорил с тобою... / Что говорить? Ведь ты была дитя» [11, с. 175].

Лирический герой просит любимую вернуть то время, когда они были вдвоём: «Верни же мне те золотые грёзы, / В твоих лучах я расцветаю вновь...» [11, с. 175]. В последнем четверостишии для поэта «истина и желание сливаются свои цвета» (глагол вновь стоит в условном наклонении). Преклоняясь перед идеалом, герой восклицает: «Ты так светла... О, если бы я угас / У нежных ног невинных, милых, милых, / В сиянии любимых узких глаз» [11, с. 175].

По мысли поэта, любовь вечна, она «как старое вино» не ослабевает с годами, наоборот, становится крепче, сильнее. Весна воскрешает былые чувства,

связывая прошлое и настоящее: «Как старое вино – моя любовь» [11, с. 175].

В стихотворении «Тают тайные печали» героя постигает разочарование в любви. Вновь появляется образ свирели, на этот раз не «зовущей призывно», а отзвучавшей: «Все свирели отзвучали» [11, с. 167]. Но герой не предаётся грусти. Он созерцает красоту осенней природы и, от осознания сопричастности к ней в его душе «тают тайные печали». Это единственное стихотворение цикла, в котором поэт изображает осень. Природа осени, как и природа апреля у него одухотворена, исполнена высшего смысла. Небесное отражается в земном: «Как прозрачно, как лазурно / В звонкой грусти хрусталай! / И небес широких урна / В золотые каплет чащи / Синий, тающий елей» [11, с. 167]. Природа у С.М. Соловьёва – нерукотворный храм: «Кто воздвиг в осеннем храме / Свод серебряных колонн?» [11, с. 167]. Спокойная, величественная, вечная, она противопоставлена волнению человеческого сердца, способна успокаивать героя, благотворно влияя на его внутренний мир: «На берёзах белоствольных / Никнут листья, не дыша. / И в лобзаниях безбольных / Овеваются ветрами / Утомлённая душа» [11, с. 167].

В стихотворении «Улыбка прошлого», завершающем цикл, обновлённая после зимы природа вновь дарит уверенность в прочности вечного, сближая прошлое и настоящее. Как и в юности над головой героя синет небо, «млеет зелёной жаждой лес»: «В синем небе – облак лёгкий, / Белые стволы – по склонам, / Озарённые холмы» [11, с. 176]. Преисполненный весенними чувствами, лирический герой ощущает себя на грани сна и ре-

альности, спрашивая: «Трое по лугам зелёным, не опять ли бродим мы?» По видимому, явственно припоминаются поэту прогулки в окрестностях Шахматова с Блоком и Белым. Границы между прошлым и настоящим, мечтой и явью стираются, в образах природы герой видит женские очертания: «Зелень взоров, мягко тая, переходит в янтари» [11, с. 176]. Перед ним возникают его подруги, нимфы: «Обе – юны, обе – нимфы... / Юность, юность золотая, / Говори же, говори!» [11, с. 176]. Сопричастный миру обновляющейся природы, герой чувствует прилив жизненных сил, его сердце переполняется любовью: «Млеет лес зелёной жаждой, / Томно каждому стеблю. / Вами зацветает сердце, / И не лгу, поклявшись каждой, что её одну люблю» [11, с. 176]. Благодаря весне, любви герой ощущает себя прежним – юным, полным сил. В финале реальность и фантазия вновь соединяются, и он совершенно искренне вопрошает: «Неужель / Я не тот же робкий мальчик, / Вновь поднявший на распутье / Позабытую свирель?» [11, с. 176].

В цикле «Сны апрельские» все стихотворения объединяются личностью одного, цельного в своих восприятиях весенней России лирического героя, который через устойчивый мотив сновидения расширяет пространственные рамки, легко перенося героя из настоящего в дни его юности, возрождая радостное стремление любить и вдохновенно поклоняться неувядаемой красоте мироздания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненский И.Ф. Избранное. М., 1987.
2. Белый А. А. Блок (1917, 1922) // Андрей Белый. О Блоке / Вступ. статья, состав-

- ление, подготовка текста и комментарии – А.В. Лавров. М.: Автограф, 1997.
3. Белый А. Между двух революций. М., 1990.
  4. Блок А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1978.
  5. Бунин И.А. Собр. соч. в 5 томах. Т. 1. М.: Правда, 1956.
  6. Есенин С.А. Несказанное, синее, нежное...: стихотворения, поэмы / Сергей Есенин. М.: Эксмо, 2011.
  7. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
  8. Скрипкина В.А. Сергей Михайлович Соловьёв. Духовные искания. Эволюция творчества. М., 2004.
  9. Смирнова Л.А. Золотой сон души: О русской литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Водолей, 2009.
  10. Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика/ Вступ. статья Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991.
  11. Соловьёв С.М. Собрание стихотворений / Составление, подготовка текста и примечания В.А. Скрипкиной. М.: Водолей Publishers, 2007.